

ЧТО ТАКОЕ СУБЪЕКТОЛОГИЯ?

В. Ф. БЕРКОВ¹⁾

¹⁾Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Обосновывается предположение о том, что субъектология, синтезируя результаты некоторых частных дисциплин о человеке (социологии, политологии, психологии, методологии науки, теории управления и т. д.), возникает как трансдисциплинарная наука. В ее становлении решающую роль играют идеи конструктивизма. Марксистский принцип деятельности составляет ее философско-методологическую основу.

Ключевые слова: субъектология; деятельность; принцип деятельности; трансдисциплинарная наука; триада цель – средство – результат; сдвиг «в сторону»; конструктивизм.

WHAT SUCH OF SUBJECTOLOGY?

V. F. BERKOV^a

^aAcademy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The assumption is based that subjectology, synthesising the results of a number of particular disciplines about the man (sociology, politologii, psychology, the methodology of science, theory of control, etc.), it appears as transdisciplinary science. In its formation the ideas of constructivism play the decisive role. The Marxist principle of activity composes its philosophic methodological basis.

Keywords: subjectology; activity; the principle of activity; transdisciplinary science; triad is *purpose – means – result*; shift «into the side»; the constructivism.

Термин «субъектология» появился в научном обиходе совсем недавно. На данный момент не существует однозначного его истолкования. В. А. Чигирев связывает с этим понятием становление прикладной науки как «системы знаний, получаемых исследователями, занятыми изучением конкретного субъекта»¹. По мнению С. Е. Кургиняна, субъектология – теория политического субъекта [1]. Столкнувшись с трудностью определения данного термина, Л. А. Гуцаленко решил создать лишь прообраз субъектологии и «осуществить, начиная

с античной философии, реконструкцию идей об индивидуальном субъекте как ведущем социотворческом агенте» [2, с. 5]. Автор настоящей статьи также не претендует на последнее слово в решении этого вопроса, помня о том, что правильное определение есть не столько начало, сколько завершение длительного исследовательского процесса.

Становление субъектологии началось уже давно (и не только как имеющего отношение к индивидуальному сознанию понятия). В Москве в 1983 г. состоялась научная конференция, на которой обо-

¹Субъектоведение как новое научное направление и практическая наука XXI века – субъектология [Электронный ресурс]. URL: <https://ast.social/679-sub-ektovedenie-kak-novoe-nauchnoe-napravlenie-i-prakticheskaya-nauka-xxi-veka-sub-ektologiya.html>.

Образец цитирования:

Берков ВФ. Что такое субъектология? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020; 3:83–88.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-83-88>

For citation:

Berkov VF. What such of subjectology? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:83–88. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-83-88>

Автор:

Владимир Федотович Берков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института управленческих кадров.

Author:

Vladimir F. Berkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines, Managerial Personnel Institute.
vlad-berkov@yandex.ru

значилась острая познавательная проблема: на каких логических и философских основаниях можно преобразовать научные направления, исследующие человека в его частных дисциплинах, в синтетическую, единую науку о человеке? При этом в докладе И. Т. Фролова было отмечено, что главным предметом внимания исследователей становятся регулятивные аксиологические факторы, табуирующие в ряде случаев научный поиск [3, с. 286–290].

Исходя из приведенных (и не только) характеристик, можно сказать, что сегодня известно лишь об интуитивном понимании предмета субъектологии. Вместе с тем есть серьезное основание полагать, что изучать данный предмет следует как настоящую научную дисциплину. Стоит обратиться к произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса.

Когда К. Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» критиковал предшествующий материализм за то, что в подходе к познанию действительности отсутствует такая существенная предпосылка, как его (подхода) субъективность [4, с. 1], то не сомневался в необходимости соответствующей научной программы. Неслучайно Ф. Энгельс назвал «Тезисы о Фейербахе» заметками, подлежащими дальнейшей разработке [5, с. 371].

К сожалению, левые политические партии, в том числе и коммунистические, не придали должной значимости этим высказываниям учителей. Г. В. Плеханов снизил проблему субъективности познания до психологического уровня. «*Субъективная сторона <...> жизни, – писал он, – и есть как раз психологическая сторона “человеческий дух”, чувства и идеи людей*» [6, с. 138]. Не получили «Тезисы о Фейербахе» адекватного истолкования и у В. И. Ленина. В статье «Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма)», написанной в 1914 г. для «Энциклопедического словаря Гранат», содержанию первого тезиса, где освещается вопрос о месте и роли субъективного момента в познавательных методах предшественников-материалистов, дается интерпретация, с которой вряд ли можно согласиться. Данное обстоятельство не могло не оказать влияния на то, что в Советском Союзе субъективная сторона познавательного процесса долгое время находилась «на задворках» общественных наук [7, с. 69–75].

Лишь в 1960-х гг. были предприняты попытки (и довольно плодотворные) переосмысления всего философского наследия марксизма, особенно под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей К. Маркса. В «прорывных» работах Г. П. Щедровицкого, В. С. Стёпина, И. С. Алексеева, Э. Г. Юдина, В. С. Швырева, В. М. Межуева и других исследователей было показано, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной К. Марксом фундаментальной идеи о мире не как об объ-

екте познания, а как о результате практической, субъективной деятельности людей. При движении в этом направлении стала выделяться в своем эмпирическом, теоретическом и философском обликах и наука об этой деятельности, ее формах и методах – субъектология.

Фрагменты субъектологии можно обнаружить у многих представителей частных наук: у психологов, педагогов, историков, социологов, экономистов, естествоиспытателей. Среди них особо следует отметить С. Л. Рубинштейна (предложил принцип деятельности как средство осмысления процессов, изучаемых в психологии и педагогике), Л. С. Выготского (создал культурно-историческую концепцию развития высших психических функций), В. П. Зинченко, В. М. Мунипова и других ученых (продемонстрировали продуктивность деятельностного подхода к изучению процессов оптимизации средств и условий труда), А. Н. Колмогорова (является одним из создателей конструктивистского направления в логике и математике). Еще раньше во многих исторических произведениях К. Маркса («Капитал», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и др.) проявлялись яркие образцы применения деятельностного принципа.

Сказанное наводит на предположение о том, что, во-первых, субъектология должна быть *трансдисциплинарной* наукой, характерной чертой которой является наличие возможности свести частные знания в более общую, согласованную науку, основанную на едином комплексе понятий и метаязыковых средств. Во-вторых, для освоения и использования этих знаний целесообразно обратиться к *категории деятельности* как особому роду действительности, основное свойство которой – целенаправленное изменение и преобразование внешнего мира в интересах людей. В процессе деятельности человек (субъект) практически противостоит объективному миру (объекту) и его фрагменту (предмету) как материалу, из которого непосредственно получается необходимый человеку продукт.

Типы деятельности весьма многообразны, прежде всего различают практическую и духовную. Практическая деятельность (практика) – это материальное, чувственно-предметное освоение и преобразование природы или общества. Духовную деятельность, которую можно понять только на основе анализа практики, связывают с изучением и преобразованием внешнего мира лишь в сознании человека и рассматривают, с одной стороны, как продолжение и результат развития практической деятельности, а с другой – как важнейший регулятор (не всегда надежный) осуществления последней.

Абстрагирование и обобщение самых разнообразных, многократно повторяющихся «фигур» деятельности привели к становлению и принятию *принципа деятельности*. Это уже не только продукт

отображения внешнего мира, но и предпосылка его дальнейшего исследования и преобразования.

Отношение деятельности как части объективного мира к своему целому, т. е. к противостоящей ей природе и обществу, является коренным философским вопросом, на котором зиждется основная гносеологическая проблематика. В марксизме (диалектическом материализме) она занимает центральное место. В теории познания марксизма подчеркивается объективная обусловленность человеческой деятельности. Доказывается, что объективные потребности есть в конечном счете идеальный, внутренне побуждающий ее мотив [8, с. 717].

Логическое содержание принципа деятельности «развертывается» прежде всего в категориях цели, средства и результата. Их соотношение имеет объективные основания. О феномене человеческой деятельности интересно и убедительно одним из первых писал Н. Н. Трубников: «Отношение цели, средства и результата включает отношение причины и действия, характеризующее стихийный процесс природы, в принципиально иную категориальную структуру, в которой реальному отношению вещей оказывается предпосланным их *проект* в виде их логически всеобщего, а потому в значительной мере абстрактного аналога. При этом в роли так называемых причин здесь выступают *средства реализации*, более или менее соответствующие поставленной цели. Действие же приобретает форму идеально положенного в виде цели результата, воспроизводя содержание самой деятельности и ее средств» [9, с. 461]. При этом под термином «цель» понимается (в его самом распространенном смысле) идеальное, мысленное предвосхищение результата труда. *Результат* (продукт) – то, что получено в завершение какой-то работы и может быть непосредственно использовано или служить предпосылкой другой деятельности. Проектирование и постановка целей, стремление к результату – специфические качества человека, его исключительное достояние.

Определить, является ли цель реальной и определенной, помогает ее отношение к *средствам*, т. е. к вещам, материальным условиям, завоеваниям человеческой культуры, обеспечивающим получение определенного результата. Подобно тому как причина вызывает некоторое действие и следствие, средство обуславливает идеально положенный в виде цели результат, предопределяет и ограничивает ее. Средства, таким образом, – это важнейший критерий отбора целей. Последние находят в средствах свою «земную» основу.

Однако отношение цели и средства нельзя сводить к простой причинно-следственной связи. Однажды возникнув, цель сама становится основой деятельности и как закон определяет способ и характер действий.

Следует заметить, что в марксизме представленное выше общее изложение содержания принципа деятельности не является новым. К сожалению, последнее в советской философской литературе в учебном процессе не получило всеобщего признания. Триада *цель – средство – результат*, как правило, исключалась из перечня философских категорий. Сторонники деятельностного подхода нередко отождествлялись с авторами издававшегося в Югославии журнала «Праксис», где игнорировалось марксистское положение о зависимости практики от закономерностей объективной действительности и, таким образом, проповедовались субъективно-идеалистические воззрения.

Для субъектологии принцип деятельности, который следует не только признавать, но и применять в качестве методологической основы этой дисциплины, имеет решающее значение. Лишь при таких условиях субъектология сможет приобрести законченный вид, преодолев признание в том, что субъективной реальностью в первую очередь является человеческое общество. Формы и процессы функционирования действующего субъекта в сфере науки – одна из проблем субъектологии.

Начиная с XVII в. понятие субъекта, как и соотносительное с ним понятие объекта, употреблялось прежде всего в гносеологическом смысле. В традицию вошло понимание субъекта как активно действующего и познающего, обладающего сознанием и волей индивида или социальной группы и объекта как всего того, что противостоит субъекту и на что направлены его предметно-практические, познавательные и иные действия. В советской философской литературе на изучении отношения субъекта и объекта была сконцентрирована основная проблематика теории познания.

Л. А. Маркова выделила три варианта взаимоотношений науки и социума [10, с. 69–76]. Во-первых, основы истории общества интерпретируются как законы развития научных идей. Вектор воздействия при этом направлен от науки к социуму. Во-вторых, научное знание определяется обществом, т. е. влияние происходит в обратном порядке – от социума к науке. Наконец, в-третьих, наука и общество развиваются параллельно по своим законам. Представляется, что этим выводам можно придать более общий вид и рассмотреть как воздействие, направленное от субъекта к объекту; воздействие, нацеленное от объекта к субъекту; изменение субъекта в относительной независимости от объекта, сдвиг «в сторону» от самого себя. Последний вариант заслуживает особого внимания. Прежде всего здесь определяется специфика субъектологии как науки. Для этого необходимо обратиться к историко-научному материалу.

В 1543 г. вышел в свет труд польского астронома Н. Коперника «Об обращениях небесных сфер»,

содержащий изложение гелиоцентрической системы мира, в соответствии с которой в центре мироздания находится статичное Солнце, а вокруг него по круговым орбитам движутся Земля и планеты. Окончательно система Коперника была принята научным сообществом лишь в следующем столетии благодаря исследованиям И. Кеплера и Г. Галилея, пополнивших ее новыми данными и соображениями.

Система Коперника пришла на смену геоцентрической идеи Птолемея, где в центре располагалась Земля, а ее окружали восемь сфер, несущих на себе Луну, Солнце, звезды и пять планет, известных в то время (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн). Планеты движутся по окружностям меньших радиусов, которые связаны с соответствующими сферами. Это требовалось, чтобы объяснить их достаточно сложные наблюдаемые траектории движения по небу. На восьмой внешней сфере расположены так называемые неподвижные звезды, которые сохраняют свое положение относительно друг друга, но все вместе совершают круговое движение по небу.

Модель Коперника не является обобщением модели Птолемея. Она представляет собой сдвиг как бы в сторону от последней, и вряд ли можно считать, что они выступают аналогами различных объектов, т. е. разных солнечных систем. Фактически эти модели обладают одинаковой объяснительной и предсказательной силой. (Лишь с одним фактом не справлялась модель Птолемея – с траекторией движения Луны, но, несмотря на это, она все же принималась подавляющим большинством астрономов, тем более что получила одобрение христианской церкви как картина мира, согласующаяся со Священным Писанием.) Только одно обстоятельство вызывало хлопоты у сторонников Птолемея – сложности, с которыми они сталкивались при практическом применении его идеи.

Рассматривается пример из истории биологической науки. Следует сравнить две системы взглядов на проблему эволюции организмов – ламаркизм и дарвинизм. Учение Ж. Б. Ламарка, сводя природу эволюции к влиянию среды, в то же время приносило в объяснения идеалистическую, телеологическую окраску. Дарвин же, опираясь на огромный эмпирический материал, показал, что эволюция организмов имеет материальную основу и состоит из трех взаимосвязанных факторов: наследственности, изменчивости и отбора.

У Ж. Б. Ламарка нашлось немало последователей (Г. Осборн, А. Паули, А. Вагнер и др.), пытавшихся уточнить, дополнить или даже возродить его учение, но в конечном счете их конструкции не были приняты научным сообществом в силу их умозрительности, априорности и внеисторичности. Что же касается Ч. Дарвина, то он пошел сво-

им путем («в сторону») и, как убедительно показал И. Т. Фролов, «дал толчок для детального исследования указанного явления (эволюционного процесса. – В. Б.), и именно отсюда берет свои истоки генетика как наука» [11, с. 46].

Не только в естествознании, но и в обществоведческих дисциплинах (особенно на стадии их практического применения) есть случаи, когда приходится жертвовать сложившимися познаниями и уходить от них в сторону. В теории воспитания используется термин «трудновоспитуемые дети». Им обозначают детей, которые наименее склонны следовать существующим педагогическим предписаниям и проявляют крайнюю невосприимчивость к традиционным педагогическим воздействиям. Успехи педагогов-новаторов – А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили и др. – были обусловлены тем, что им было чуждо слепое, педантичное следование какой-либо определенной доктрине (при верности основным принципам гуманизма). Они смело отходили от педагогических догм и принимали неординарные решения, снимающие напряжение в общении с трудновоспитуемыми детьми. Исчезала сложность в этих отношениях, они становились простыми, ясными и продуктивными. Вместе с тем шло содержательное обогащение субъекта, в качестве которого выступала педагогическая наука. Сдвигаясь «в сторону», субъект (познающий агент) отправляется как бы в свободное плавание, но не по волнам океана, а по реке, с ее ограничениями и рубежами. Необходимо обратить внимание на приближенную картину этого проблемного сдвига, создаваемую представителями современных идейных течений, которые объединяются под общим названием «конструктивизм» (работы К. Гергена, Дж. Келли, Т. ван Дейка, И. Паркера и др.). Основная конструктивистская идея состоит в том, что предметы и отношения, которые воспринимаются индивидом в любой момент и фиксируются его познавательными средствами (понятиями, представлениями и пр.), являются конструкциями, основанными на познавательных стратегиях человеческого общества, предшествующем опыте, пристрастиях, ожиданиях, мотивации, внимании и т. д.

В русскоязычной литературе первые работы по собственно конструктивизму, его критическому анализу и оценке появились лишь в начале XXI в. Возникают варианты конструктивных (проективных) методик. В книге [12] отмечается, что особенно влиятельны радикальный эпистемологический конструктивизм (претендующий на философские выводы в области нейрокибернетики и нейропсихологии) и социальный (особенно значимый в психологии и социальном анализе научного знания). Эпистемологическому конструктивизму В. А. Лекторский противопоставляет собственную точку зрения, названную им конструктивным реа-

лизмом. Его концепция учитывает определенные аспекты философского конструктивизма, идущие от Дж. Гибсона, Ф. Варелы и др., и развивает деятельностный (С. Л. Рубинштейн и др.) и культурно-исторический (Л. С. Выготский и др.) подходы. В ней действительность открывается познающему агенту в рамках возможностей его труда: реальность для пчелы, летучей мыши и человека будет разной. Познавательная конструкция не то же самое, что настоящие объекты. У одних познавательных конструкций есть реальные референты, а у других нет. Сам мир идеальных образований (т. е. мир сконструированный), который способен обнаруживать лишь то, что неизвестно тем, кто его создал, может быть понят как объективная реальность особого рода и иметь содержание, независимое от сознания отдельных людей и от познания ими этого содержания, и поэтому относительно него появляется возможность строить теории (оказывающиеся истинными или ложными). Такие идеальные сконструированные образования, как язык, социальные институты, научные теории и т. д., можно изучать как нечто реальное, хотя все это создано людьми и вне их деятельности не существует [13, с. 37].

Признавая ценность многих идей и выводов конструктивизма, В. А. Лекторский (и не только он) указывает на недостатки крайних его форм, подчеркивая, что все на свете не может конструироваться, что есть реальный мир, который напрямую не зависит от активности человека и существует сам по себе.

Очевидно, есть основания считать конструктивизм (особенно в его подлинно материалистическом понимании) одним из методов, играющих важную роль не только в собственно «конструктивистских» философских концепциях, но и в частных науках о человеке.

Итак, следует высказать некоторые предположения:

1. Субъектология, синтезируя результаты ряда частных дисциплин о человеке (социологии, политологии, психологии, методологии науки, теории управления и т. д.), возникает как трансдисциплинарная наука.

2. В становлении субъектологии решающую роль играют идеи конструктивизма, понимаемые в духе подлинного материализма.

3. Философско-методологическую основу субъектологии составляет марксистский принцип деятельности.

Библиографические ссылки

1. Кургинян С. Спаситель России и человечества. *Литературная газета*. 2020, 22–28 апреля.
2. Гуцаленко ЛА. Субъектология. *Социология*. 2011;2:4–17.
3. В. Р. К проблеме создания единой науки о человеке. В: Фролов И, редактор. *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1983*. Москва: Наука; 1985. с. 286–290.
4. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. 630 с.
5. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 21*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. 880 с.
6. Плеханов ГВ. *Очерки по истории материализма*. Ленинград: Государственное издательство политической литературы; 1938. 160 с.
7. Берков ВФ. Судьба работы К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» в советской философской литературе. *Социология*. 2016;1:69–75.
8. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 12*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. 828 с.
9. Трубников НН. Цель. *Философская энциклопедия. Том 5*. Москва: Советская энциклопедия; 1970. 740 с.
10. Маркова ЛА. Трансформация оснований историографии науки. В: Тимофеев ИС, редактор. *Принципы историографии естествознания: XX век*. Санкт-Петербург: Алетей; 2001. с. 69–76. Совместное издание с Институтом естествознания и техники.
11. Фролов ИТ. *Философия и история генетики – поиски и дискуссии*. Москва: Наука; 1988. 416 с.
12. Лекторский ВА, редактор. *Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке*. Москва: Канон+; 2009. 368 с.
13. Лекторский ВА, Пружинин БИ, Дубровский ДИ, Иванов ДВ, Левин ГД, Карпенко АС и др. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы круглого стола. *Вопросы философии*. 2017;1:5–38.

References

1. Kurginyan S. [Rescuer of Russia and humanity]. *Literary newspaper*. 2020 April 22–28. Russian.
2. Gutsalenko LA. Subektologiya. *Sociology*. 2011;2:4–17. Russian.
3. V. R. [To the problem of the creation of the united science about the man]. In: Frolov I, editor. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1983* [Philosophy and sociology of science and technology. Annual 1983]. Moscow: Nauka; 1985. p. 286–290. Russian.
4. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Compositions. Volume 3]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. 630 p. Russian.

5. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 21* [Compositions. Volume 21]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. 880 p. Russian.
6. Plekhanov GV. *Descriptions on the history of materialism*. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1938. 160 p. Russian.
7. Berkov VF. Destiny of «Theses on Feuerbach» by K. Marx in soviet philosophic literature. *Sociology*. 2016;1:69–75. Russian.
8. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 12* [Compositions. Volume 12]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. 828 p. Russian.
9. Trubnikov NN. Tsel'. *Filosofskaya entsiklopediya. Tom 5* [Purpose. Philosophical encyclopedia. Volume 5]. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1970. 740 p. Russian.
10. Markova LA. [Transformatsiya of the bases of the historiography of science]. In: Timofeev IS, editor. *Printsipy istoriografii estestvoznaniya: XX vek* [Principles of the historiography of the natural science: 20th century]. Saint Petersburg: Aleteyya; 2001. p. 69–76. Co-published by the Institute of Natural Science and Technology. Russian.
11. Frolov IT. *Filosofiya i istoriya genetiki – poiski i diskussii* [Philosophy and the history of genetics – searches and discussion]. Moscow: Nauka; 1988. 416 p. Russian.
12. Lektorsky VA, editor. *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist approach in epistemology and human sciences]. Moscow: Kanon+; 2009. 368 p. Russian.
13. Lektorsky VA, Pruzhinin BI, Dubrovsky DI, Ivanov DV, Levin GD, Karpenko AS, et al. «Realistic turn» in contemporary epistemologii, philosophy of mind and philosophy of science? Materials of round table. *Voprosy filosofii*. 2017;1:5–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.06.2020.
Received by editorial board 09.06.2020.